

Александра К.

Искра в тумане

Александра К
Искра в тумане

«Литнет»

2026

К А.

Искра в тумане / А. К — «Литнет», 2026

Библиотеке колледжа «Туманные Врата» царит Марфа Игнатьевна. Ее сладкие речи – яд, а объятия – удавка. Она правит как личным феодальным владением, где знания гниют под сплетнями, а студенты и сотрудники – расходный материал. Алиса, новая помощница, для нее – свежая кровь. Молодая, сильная, с опасной искрой в глазах. Идеальная мишень. Но Алиса – не из тех, кто гнется.

© К А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Глава 1

Город скрипел на пробуждение как несмазанная дверь. Не туман - какая-то седая вата, пропитанная соленым потом пролива и вонью подгнивающих водорослей, прилипла к сопкам. Затянуло все: краны в порту торчали из марева, как пришибленные призраки металлолома. Воздух густой. Соленый. С противной кислинкой где-то в горле. И сквозь эту мокрую, кусачую муть, будто из самой печени острова, проступила... дверь. Зажата меж «Рыбака» - лавчонки с облезшим нарисованным окуном - и аптекой, где в пыльной витрине тухли склянки с жидкостями цвета тоски.

Над ней - вывеска: *Колледж Прикладных Эзотерических Искусств «Туманные Врата»*. Буквы дрожали в воздухе как асфальт над раскаленной крышкой люка летом. Скрип - и Алиса выпала прямо в объятия этой промозглой хмари.

Сама - крепышка, невысокая. Кожанка потертая, джинсы черные, ничего лишнего. Но силуэт... песочные часы, да. Волосы - вороний пух после драки, короткие, темные. Лицо широкое, скулы - будто ножом вырезаны. Серьезное. Глаза - темные щелочки под прищуром, сканируют все вокруг, как детекторы лжи. Нос узкий, губы - тонкая черточка, сжатая.

«Современная ведьма», - мелькнуло у нее в голове. Ни метлы, ни шляпы. Только браслет - черненное серебро с камнем, чуть теплившимся в тумане, да холщовая сумка через плечо. Шагнула - туманные щупальца тут же к щиколоткам. Камень браслета - чуть теплее. Влага отодвинулась, оставив сухой пяточок вокруг ног.

И сразу увидела его. У фонаря напротив. Марк. На фоне облупленной стены казался еще монументальнее - плечища под темной ветровкой. Кудри каштановые, мокрые от хмари. Глаза, обычно задумчивые - сейчас напряжены, как струны. Лицо узкое, нос вздернутый - обычной расслабленности ноль. Переминался с ноги на ногу, смартфон в руке сжимал, будто пытаюсь выдать из него ответ. Взгляд - на Алисе, выискивал... Одобрение? Панику?

Алиса подошла. Ботинки - глухой стук по мокрому. Туман лизал щиколотки, но выше - не смел. Запах: морская соль, дохлятина рыбы, влажный асфальт - и сквозь это еле-еле, сухие травы плюс озон, будто после грозы. От нее. Резко остановилась в шаге. Глаза-щелки стали тоньше иголки, губы - ниточкой. Во взгляде - что-то старое, опасное, как шторм в открытом море. А он... Марк вдруг рассмеялся. Тепло. По-доброму. Этот смех - хрясь! - разбил напряжение, как булыжник тонкий утренний ледок на луже.

- Ну что, «Да постигнет тебя огненная геенна! Си ведьма, отныне это пристанище твоё...» — процитировал он, но уже без ехидцы. Голос - теплое молоко. В глазах, обычно задумчивых, - ни капли былой зависти, только открытость. Уголки губ - вверх, ямочки проступили. Знакомо.

- Временное, - буркнула Алиса, дернув ремень сумки. Толстый кожаный корешок фоллианта высунулся, как любопытный крот. Но лед в теле - подтаял. Глаза - просто настороженные щели.

Марк улыбнулся шире - белые зубы блеснули. Шагнул - его мощь на миг затмила ее. Молчок. Просто обнял. Крепко. Руки сомкнулись на спине под кожанкой - ощутил знакомые мышцы, мягкость в изгибе талии. Алиса - статуя на секунду. Потом - вздох незримый, тело обмякло. Уткнулась носом в ворот его ветровки. Запах: морозец, гуща кофе, пыль книжная, шерсть теплая. Камень на браслете - теплее. В этом замке из рук, на сонной улице, где туман цеплялся за ржавые трубы, а паром гудел басом где-то вдаль... они оба почуяли одно: опору. Не стены. Дом - это вот эти двое. Сквозняками и туманами непробиваемый.

Поплелись дальше, плечо к плечу. Улица вилась серпантинном вниз. Туман рвался под солнцем - отступал к сопкам, оставляя асфальт мокрым зеркалом, где кривлялись облупленные фасады. Воздух ожил: скрип тросов, чайки, запах бородинского хлеба - этот самый, с тмином!

- смешанный с остротой только что вываленной рыбыны. Матросы в резиновых фартуках - разгружали. Автоматы. Ни мысли на лицах.

Тропка резко рванула вверх по склону сопки - меж корявого бамбука и валунов, покрытых мхом как старым пледом. Запахались. Пар изо рта таял в прохладе. Шли, не спеша, чувствуя силу в ногах. Каждый поворот - новый кадр: город внизу, просыпающийся, и море - дымчато-синее, без края.

Вид сверху! Порт - как игрушечный. Туман - почти золотая дымка. Вода - зеркало. Бледное небо, ржавые борта. Краны, крыши синие, сейнеры пестрые — все четко, миниатюрно. Море с небом слилось на горизонте.

- Смотри! - Марк ткнул пальцем к молам. Туда, где пролив распахивался в открытость.

Из дымки, рассекая воду белым клином, выплывал паром. Сине-белый. Свежо. Мощно. Плыл с достоинством этакого морского графа. След пенистый за кормой. Гул двигателей — густой, докатывался, как отголосок большой работы где-то в порту.

- Вот это вид, - пробормотал Марк, прикрывая глаза ладонью от солнца. На обычно задумчивом лице - улыбка чистой, детской радости. - Завораживает. Каждый раз. То ли остров, отрезанный, домой плывет... То ли уплывает навсегда.

Алиса кивнула, тоже не отрывая взгляда. Ветерок шевелил ее вороний пух на голове. Солнце грело спины. С сопки тянуло - сыростью земли, хвоей.

- А я верил, что выгорит, - Марк повернулся к ней. Напряжение испарилось из глаз. - Может, библиотекарь - твое? Не только пыль сметать там... А знание. Настоящее. Глубинное. Тишина... святая тишина хранилищ.

Алиса фыркнула. Без зла. Уголки губ дернулись. Поправила ремень сумки.

- Лишь бы платили прилично, - практично отрезала она. Легкая усмешка тронула тонкие губы. - А там... - махнула рукой в сторону невидимой за поворотом Академии, - Может, и в преподавание прорвемся. Хоть на вечерние курсы... «Основы защитной библиографии для начинающих некромантов», - протянула руку, схватила Марка за ладонь. Его пальцы - рабочие, шершавые - сомкнулись вокруг ее цепких.

Опять пошли. Рука в руке. Шаги в такт. Вид шире - порт, крыши домов, карабкающихся по склону. Тишину рвали ветер, слоистый городской гул снизу и их шаги по гравию.

- Помнишь, три года назад? - голос Марка стих, стал глубже. - Качели адские, буквально.

Алиса вздохнула тяжело. Прищуренные глаза - жестче. Пальцы сжали его ладонь. В нос ударило - запах горелой мандрагоры и истеричного визга. Перед глазами - разбитая колба. Багровое от ярости лицо той... Грушницкой.

- Помню. Работа - чехарда. То в лавке алхимика-ремесленника устроишься - перспектива! Руки чешутся зелья варить... - голос зазвенел. - А потом - бац! - щелчок пальцами. - Хозяйка-истеричка может плеснуть просроченным зельем ярости тебе в лицо. За то, что колбу не так поставил. А виноват - ты! *«Нарушитель техники безопасности эзотерического цеха»*. Классика жанра.

- А платили... - Марк покачал головой, кудри колыхнулись. Горечь в голосе. - Копейки. Чуть ли не ползарплаты - на ту конуру у порта. Помнишь сквозняки зимой? Выло в щелях, как в волчьей глотке. - Он поежился, будто снова продуло. Мурашки по спине.

Остановились на площадке. Вид - почти панорама. Судно у пирса швартуется аккуратно. Море - алмазы на солнце. Внизу - дым из труб, звон трамвая. Жизнь... потихоньку. Со скрипом, но налаживалась.

Алиса сжала руку Марка. Крепко. Пальцы впились. Словно якорь брошен. Говорило это все: *«Мы выдюжили. Здесь. Вдвоем».*

Двор встретил тишиной. Только шелест бамбука да вечный гул порта снизу - фоновая музыка их жизни. Стояли на краю сопки, где дорожка упиралась в пятиэтажки. Типичные «брежневские», но выкрашенные весело: яичный желток, небесная синь, сочная зелень. Краска пузырилась местами, серый бетон проглядывал, но в целом — как детская раскраска. Кричаще. Наивно. Окна ловили солнце и синеву пролива.

Подъезд. Знакомый коктейль: сырость подвала, старое дерево, вьевшаяся рыба. Марк щелкнул кодом. Скрип тяжелой двери - полумрак. Шаги гулкие. Второй этаж. «7». Скрип ключа.

Вошли. Дверь захлопнулась. Отрезала свет и шум. Крохотная прихожая. Воздух спертый: пыль, дерево... и что-то теплое, меховое, с ноткой сухих трав и грозы. Их запах.

Только щелкнул замок - из кухонной тьмы выплыла тень. Бесшумная. Только два узких вертикальных зрачка светились в полумраке - изумрудным льдом. Декер. Трехцветный хаос шерсти: уголь, снег, пламя. И два хвоста - изящные вопросы. Годовалый кот, а взгляд - старше пирамид. Замерла на пороге. Взгляд универсальный: укор, интерес.

Алиса, не снимая куртки, присела. Ладонь вперед - жест перемирия. Уличный холод отступил. Декер медленно подошла. Белая грудка коснулась сухого поля вокруг Алисы. Втянула носом воздух - пробуя запах улицы.

- Декер, дома, - голос Алисы мягкий, усталый, теплый.

Кошка не спешила. Стояла в сантиметре от ладони. Мордочка с белым сердечком - чистая укоризна. Хвосты извивались. Потом открыла розовый рот. И в головах у обоих четко прозвучал голосок - чистый, чуть высоковатый девичий тембр:

- Вы. Долго. - Каждое слово - отчеканено. - Завтрак остыл. Одиночество -скучно. Холодно.

Марк, вешая ветровку на забитый крючок, фыркнул. Уголки губ дернулись.

- Не кисни, пушистая гроза. Ее, - кивнул на Алису, которая ковырялась с ботинками, - задержали. Официально. В Колледже. — Произнес с нарочитой важностью. Озорная нотка в голосе.

Декер медленно моргнула. Укор сменился на невозмутимость и... любопытство к слову «Колледж». Издавала низкое, вибрирующее мур-р-р. Звук заполнил прихожую теплом, как включенный обогреватель. Грациозно выгнула спину, хвосты свечками — и плавно развернулась к кухне. На прощание вбросила в их мысли, уже без укора, но неоспоримо:

- Я вас ждала. Очень. Сухой корм - унижение. Завтрак в одиночестве - скука смертная.

Силуэт растворился в кухонном полумраке. Тотчас - скрёб-скрёб мисок по кафелю.

Алиса скинула второй ботинок. В этом звуке. В тепле мурлыканья. В спертom воздухе прихожей с его коктейлем рыбы, пыли и диковатой магии кошки... был он. Дом. Настоящий. Марк, ухмыляясь, двинул за Декер, стаскивая свитер. Алиса, наконец освободившись от куртки, вдохнула полной грудью. Воздух убежища: теплая шерсть, старая бумага, тихое чудо, которое они слепили вопреки всему. Слова? Ну их. Они были лишними. Марк уже на кухне, наверное, чесал Декер за ухом. А она стояла, слушая скрежет мисок и далекий бас паромы за окном - знакомый гул их мира.

Глава 2

Тишина в Библиотеке Колледжа «Туманные Врата» была не пустотой, а гулкой плотностью. Как будто проглотили огромный зал целиком. Алиса шагнула – и стук каблучков отдался в костях. Воздух? Вязкий сироп из вековой пыли, разложившейся кожи и этой... сладковатой затхлости, будто забытый погреб с банками варенья времен Потопа. Она шла мимо стеллажей из древесины чернее ночи. Фолианты в хитиновых наручниках. Книги-узники, прикованные цепями к полкам, тихо посапывали во сне. Высоченные витражи резали пыльные лучи на куски: кровавые, синюшные. И тут из-за дубового монстра стола – заваленного бог знает чемс– поднялось оно.

Марфа Игнатьевна. Невысокая. Приземистая. Ее платье бордового, почти черного оттенка – мешок мешковины свободного покроя. Волосы... Редкие пряди тусклой меди, собранные в какой-то жалкий пучок на макушке. Седые паутинки лезли отовсюду. Но глаза... Боже, глаза! Чудовищные. Львиного меда цвету, янтарные. Несоразмерно огромные на этом широком, квадратном личике с мелкими, будто прилепленными, чертами. Они ухватили Алису сразу. Сканеры какие-то, прошибающие насквозь. Спрятали сканирование за завесой теплоты – натянутой, как дешевый чулок. Курносый носик собрался в сладкую складочку, обнажив мелкие зубишки цвета старой слоновой кости. Тонкие губки растянулись.

– Ах, птичка наша прилетела! Алисочка, роднулька! – Голосок высокий, приторный. Забродивший компот. Она выплыла из-за стола – легко, слишком легко для своей массивности – и накрыла Алису объятиями. Желудок девушки сжался в ледяной орешек. Запах накрыл волной: лаванда аптечная, шарики нафталина и... прокисшая фруктовая эссенция. Липко. Противно. Браслетный камень едва дрогнул, излучая легкий морозец. Озоном запахло резче – предгрозовым разрядом.

– Добро пожаловать в наше книжное королевство, доченька! Я Марфа Игнатьевна, твоя новая... ну, как мама в этих стенах! – Захихикала, отпустила, но тут же вцепилась пухлыми, влажными лапищами в девичьи руки. Ощущение – будто прикоснулась к липкой паутине в темном углу.

Работа. Долги. Марк. Крыша. Терпи, – пронеслось в висках Алисы автоматом.

– Просто знай, птичка: здесь ты под моим крылышком! Все покажу, нигде не споткнешься! Такая молоденькая... хрупкая ты наша... – Глаза-сканеры обежали Алису снова, оценивая ресурс. – Ой, как же я рада свежей крови! Старухе одной здесь тяжело, знаешь ли... – Женщина повела ее между стеллажами, болтая без умолку:

– Вот тут защитная библиография – твоя вотчина! Не дыши на тот фолиант – газы ядовитые пускает. А вон то – личная коллекция декана Громова. Тссс! – Приложила пухлый пальчик к губам, лицо – маска секретности.

– Гений? Еще какой! Но... после той истории с водяным элементом... – Она постучала пальцем у виска. – Не все гайки закручены. Терпим! Ой, смотри-ка! – Резко остановилась у витрины с хрустальными шарами. – Мыслительные кристаллы архимага Сирина. Умница, конечно, но... – Скривила ротик в брезгливой гримасе.

– ...вечно немытый. Пахнет... заплесневевшим подполом с прокисшим вареньем? – Глаза блеснули нездоровым огоньком. – Терпим! Хотя... – Наклонилась ближе. Шепот ядовитый, кисло-сладкое амбре ударило в нос. – ...между нами, слышала, последнюю диссертацию он у ученика стабил! Белый плагиат! Парень чуть крышей не поехал. Но кто против архимага поперет? Горько, правда? – Вздох. И в глазах чистое удовольствие от сплетни.

Подожли к стеллажу, где книги покрылись мерцающей, похожей на нефть, слизью. Марфа Игнатьевна похлопала Алису по плечу. Лапа впиалась в мышцы – больно. Когда рука

легла, по спине девушки пробежала не дрожь, а ледяная волна тошноты. Горло сдавило. Камень браслета вспыхнул тускло — ало — жгучий укол! — и погас.

— Ладно, хватит кислятины! Давай-ка на тебя погляжу, нашу надежду! — Отступила. Взгляд сканера пробежал по девушке — теперь без притворного умиления. Холодная оценка товара. — Куртка... деловито. Джинсы... ничего. Но, пташечка, — голосок стал сладковато-снисходительным, как сироп с осколками стекла внутри, — так нельзя! В храме познания? Ты лицо Колледжа! И себя! Показывать надо!

Покачала головой, фальшиво сокрушаясь: — Красотка же! Фигурка... песочные часы, дар небес! А ты прячешь под грубой кожей да холстом. И волосенки... — Резко потянулась, чтобы схватить черную прядь.

Алиса отпрыгнула. Невидимая защита хрустнула, словно тонкий лед. Марфа Игнатьевна фальшиво прыснула: звук — нож по жести.

— Ой, дикарка! Кусаться будешь? Я же мамка твоя тут духовная! Хочу помочь. Эти... вороний беспорядок на голове. Приведи в божеский вид. Или отрасти? Длинные волосы — женственно. Смягчает. А у тебя лицо... — Прищурила огромные янтарины, сканируя. — ...широковато. Угловато. Силушка чувствуется, но мужики такое... не жалуют. Любят мягкость. — Вздых полновесный, якобы откровение.

— Я же о твоём счастье пекусь, пташка. Чтобы любили. А то с таким грозным видом... — Бессмысленный жест. — ...старой девой останешься. Как я вот. — Голос дрогнул с нарочитой жалостью. Глаза остались плоскими. Мертвыми.

Пальцы Алисы под курткой впились в ладони. В висках заколотило. Мана закипела внутри, рванула наружу — сжала кулаком воли.

Нет выбора, старой гиене, — мелькнуло, пока губы лепили вежливую маску. — Благодарю, Марфа Игнатьевна, — выдавила сквозь стиснутые зубы. Голос — лезвие в бархате. — Но я здесь работать. Не замужника ловить.

— Ой, какая прямизна! — Заведующая фальшиво ахнула, прижимая лапу к груди — жест, отточенный десятилетиями манипуляций.

— Работать, конечно! Но и о себе подумать не грех, птаха! Жизнь одна! — Резко дернулась, как флюгер. Взор прилип к двум студентам. Ласковые морщинки испарились. Губы — ниточка презрения. — Ага, наши будущие светочи науки, — прошипела так ядовито и тихо, что слова впивались под кожу, как отравленные занозы. Не гнев. Ледяное презрение.

— Вон тот, в рогах очков — Борька. Умник? Да ха! Списать — его конек. А девчонка с ним — Иришка. Глазки-то красивые? Только мозгов — на копейку. Полколледжа знает, как оценки берет... — Взгляд, брошенный им, был чистый яд.

— Шлак. Сплошной шлак. Загадили святое место. Но терпим. Устав велит, — повернулась к Алисе. Слащавая улыбка расцвела мгновенно, как фурункул. — Ну что, птаха, ориентируешься? Ой, что-то я... — вдруг пошатнулась, схватилась за сердце. Grimаса агонии. Глаза закатились. Но цепкий взгляд из-под ресниц ловил реакцию.

— Ой-ой... Давление... Сердечко шалит... — заныла неестественно громко, облокотившись о слизистый переплет некромантского тома. — Старость, пташка, не подарок... Кто знает, сколько мне отмерено... Каждый миг — на лезвии...

Алиса застыла. Инстинкт *«уважай старших!»* дернул вперед. Внутри – ледяной ком отвращения. Спектакль топорный. Запах лаванды с гнилью душил. Воздух завибрировал. Озоном пахло резче – как после близкого разряда.

– Марфа Игнатьевна, присесть? Воды поднести? – спросила ровным, как гильотина, тоном. Не сдвинувшись. Голос гулко отозвался в неожиданной тишине.

Заведующая мгновенно «очнулась». Маска страдания – в обиженную холодность. Выпрямилась. Отняла руку от сердца. Бросила на Алису взгляд – укор и... глубокое, ледяное фиаско. Будто дорожную вазу разбила.

– Водички? Нет-нет, пташечка, не надо... – Махнула рукой с театральным отчаянием. Вдохнула так, будто на нее взвалили вселенскую скорбь. – Потерплю. Ради тебя потерплю. Ты же теперь моя рука правая, единственная опора на склоне лет... – Подошла ближе. Защитный барьер Алисы затрещал под напором этой ядовитой «любви». – Видишь, как доверяю? Чую – добрая душа у тебя. Отзывчивая. Не то что... – Взгляд скользнул к кабинету, где виднелась спина корпящего над картами пожилого преподавателя. Ненависть.

– ...не то что наш старый хрыч Волынский. Вечно ворчит. Всем недоволен. Говорят, жена сбежала от него еще при царе Горохе – немудрено! Характер – огонь и сера! И на студенток смотрит... фу! – Сморщилась с преувеличенным омерзением. – Но терпим! Звезды читает сносно. А ты... – Голосок снова стал сиропным. Но с металлической струной внутри. – ...у меня будешь умница. Помогать будешь старушке Марфе, а? Вся надежда на тебя. Без тебя я здесь... пропаду.

Снова «пошатнулась». На этот раз обрушилась всем своим влажным весом на Алису. Тяжелая лапа впилась в плечо. Кости скрипнули. Запах прокисшего варенья и подвальной сырости ударил в нос. Перехватило дух.

– Хорошо, что крепенькая, – прошипела Марфа Игнатьевна почти в ухо. Вся слащавость исчезла. Голос – низкий, вязкий. Открыто враждебный. – А то погляжу я... Широковата ты в кости. Модельной не назовешь. Но для работы – то что доктор прописал. Мощь нужна, книги-то не пушинки. Нынче девчонки – все тростиночки, чирикнет – и нету. – Сжала плечо Алисы – ощупывая мышцы, как мясо на рынке.

– И мордашка... серьезная. Суровая даже. Здорово. Студенты, трепещи! Держи их в ежовых! – Захихикала – лязг ржавых ножниц.

– Ладно, базар окончен! Работа зовет! – Резко отдернула руку, как от грязи. Снова «деловая и энергичная». – Видишь тот темный угол? – Ткнула костлявым пальцем вглубь, где на массивном подиуме лежало... нет, громоздилось нечто. Каталог.

Не книга. Чудовище. Пергамент и черное дерево. Размером с добрый сундук. Страницы не просто перепутаны – они дергались, корчились. Одни – обугленные по краям. Другие – сочились той самой нефтяной слизью. От него веяло хаосом и статическим бешенством. Дышало злобой.

– Каталог Пылающих Сфер. Семнадцатый век. Вчерашний балбес не просто разделы перепутал – защиту спящую растормошил. Полстраницы – пепел. Остальные – слиплись магическим дегтем. Индексный кристалл – треснул. Приведи в божеский вид. Весь. От А до Я. Хронология. Заклятия на утечку проверить. И чтобы к моему уходу сияло, пташечка! – Тон – ледяная сталь. Не обсуждается. В огромных глазах – холодное, хищное удовольствие. – И магией не смей пользоваться! – Голос ударил, как плеть.

– Каталог капризный, угробишь – сама знаешь, чья шкура пострадает. Ручками, милочка. Старательными ручками. Трудолюбие и терпение! – Сладко улыбнулась, обнажая желтоватые зубки. Глаза остались плоскими. Холодными. Змеиными. Постучала толстым ногтем по корешку ближайшего фолианта – стук в крышку гроба. – Я в тебя верю! Ты, моя... надежная рабочая лошадка.

Без лишних слов Марфа Игнатьевна развернулась. Зашуршала бордовым мешком по пыльному полу – точь-в-точь змея по сухим листьям. Растворилась в полумраке стеллажей. Сладковато-гнилостный шлейф – лаванда, нафталин, сырой подпол – повис в воздухе. Ядовитое напоминание.

Алиса стояла. Гулкая тишина сомкнулась вокруг. Губы сжаты до белизны. В висках – ярость частоколом. Плечо, где впивались те пальцы, жгло, будто облито скипидаром. Ощущение липкой паутины на коже – хотелось выть. Глубокий вдох. Озоновый запах – резкий, чистый – на миг перебил вонь. Взгляд бросила вслед шуршанию – холодный, острый. Потом уставилась на чудовищный Каталог. Камень на браслете пульсировал тускло-багровым светом. Жег кожу. Архив. Знания. Шанс вылезти из ямы. Цена? Вот она воняет лавандой и фальшью.

- Держись, – шепнула себе.

Каталог дернулся на подиуме, будто живой.

Глава 3

Тишина. Густая. Лишь чавканье вилки по тарелке да мерное гу

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.